

ЕЛЕНА ГРАСС

Двойная
ПРОБЛЕМА
ДЛЯ СТРОГОГО БОССА

Елена Грасс

**Двойная проблема
для строгого босса**

«Автор»

2026

Грасс Е.

Двойная проблема для строгого босса / Е. Грасс — «Автор»,
2026

Я балансирую на грани между карьерой и материнством. Дочь постоянно болеет, а рабочий процесс не останавливается ни на секунду. Я научилась искать половинчатые решения, иногда приводя болеющего ребёнка прямо в офис. Выбора нет — я просто приспосабливаюсь к ситуации, как могу. Жизнь кажется управляемой, но только лишь до поры. Неожиданно мой босс сообщает мне весть, которая кажется чудесной: компания переезжает туда, где светит солнце, белеют пляжи, а жилплощадь оплачивает работодатель. Мне нужно лишь дать согласие — и я смогу начать новую жизнь в этом раю. Радоваться бы, но я давно утратила веру в волшебство. Моя интуиция вопит мне, что за красивым предложением скрываются моменты, которые начальник предпочёл умолчать

© Грасс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Двойная проблема для строгого босса

Глава 1

ДИАНА

Тишину ночи разрывает неожиданный звук. Алёнка давится кашлем.

Выбираюсь из-под тёплого одеяла и бегу к дочери. Включаю ночник и вижу, что она, кашляя даже не проснулась.

Пытаюсь посадить её на кровати, чтобы мокрота не застряла в горле, как бывало уже пару раз.

— Мама, что ты делаешь? — сопротивляется дочь. Она кашляет через свой сон, и сама ещё не очень понимает, что происходит. — Мам, мне так неудобно, — начинает хныкать и сопротивляется моим попыткам приподнять подушки. — Спать хочу!

— Алёна, у тебя опять этот кашель... Мы же только что его лечили, — я готова уже практически рыдать от понимания, насколько я бессильна перед болезнями своей дочери.

Не прошло и месяца, как всё начинается по – новой.

Алёнка снова заходится в кашле, а я трогаю её лоб, в надежде, что хотя бы температуры нет.

Да, мне везёт, температуры нет! Для меня и это уже большая удача!

Смотрю на время. Четыре часа утра. Не знаю, есть ли смысл ложиться обратно спать. Ведь мне через пару часов вставать на работу.

Хотя какая теперь уже работа при условии того, что мой ребёнок снова кашляет.

Мысль о новом больничном повергает меня в очередной ужас, ведь я только недавно закрыла предыдущий. Это уже слишком часто!

В прошлый раз, когда у Алёнки случилась сыпь, Артём Ильич проявил невероятную лояльность и разрешил работать из дома.

Получается, мне нужно просить его об этом снова?

Не знаю, решусь ли. Это уже будет наглостью с моей стороны, ведь нельзя бесконечно испытывать его доброту.

Кашель у моей дочки прекращается так же быстро, как и начался.

Теперь смотря на спящую Алёну, начинаю надеяться, что это лишь случайность и она не разболеется.

Возвращаюсь к себе в постель, накрываюсь подушкой и начинаю тихонько плакать.

Неужели всё по новому кругу? А если да, тогда что мне делать?

Всё-таки идти на больничный? Но мне его уже не оплатят. Свои шестьдесят дней в этом году я уже использовала.

Не замечаю, как засыпаю, но это ненадолго. Буквально через мгновение звенит будильник.

Пытаюсь вспомнить, кашляла ли за это время моя дочь, но, кажется, нет. А может быть, я просто настолько крепко уснула, что даже не заметила.

Снова проверяю её температуру. Лоб холодный.

Ладно, сегодня рискну и попробую обойтись одним днём без больничного.

Тащить ребёнка в больницу, чтобы собирать дополнительные микробы — такое себе удовольствие.

— Алёнка, доченька, пора вставать, — ласково глажу дочь по спинке.

— Мамочка, можно я ещё немного посплю? — закрывается с головой одеялом, но я не позволяю ей спрятаться.

Быстро откидываю его край и начинаю покрывать поцелуями её сонное личико.

— Щекотно! — пытается вырваться и хохочет.

— Солнышко, я знаю, что ты хочешь спать. Но пора вставать. Только сегодня ты пойдёшь не в садик, а со мной.

— Куда? — искренне удивляется моя дочь. Замечаю, как расширяются её глаза и сон исчезает, словно его и не было.

— Увидишь! — подмигиваю я, создавая интригу.

Я намеренно не говорю ей, что Алёнка пойдёт вместе со мной на работу, потому что хочу сделать ей сюрприз.

Моя дочь обожает это место. Она любит это огромное здание, в котором я работаю, запах кофе, и большие окна, из которых как на ладони виден весь город.

Но больше всего она любит тех людей, с которыми я работаю. Начиная от охранников, заканчивая моим руководителем.

Мой босс — Артём Ильич, этот солидный молодой мужчина, который всегда строг с подчинёнными, преображается каждый раз, как только в дверях его кабинета появляется моя Алёнка.

Он приглашает её за свой рабочий стол, открывает одну из полок и достаёт несколько шоколадных конфет, которые она готова лопать бесконечно.

— Это для самого ценного сотрудника! — говорит Артём Ильич, и, слыша это счастьем моей дочери нет предела.

В эти минуты меня посещают мысли, что именно такого мужчину я хотела бы видеть отцом моей девочки.

Я искренне благодарна судьбе за то, что Артём Ильич так спокойно и с пониманием относится к тому, что я иногда привожу ребёнка в офис.

За всё время, что я здесь работаю, мой босс ни разу даже не повысил на меня голос: ни из-за больничных, ни из-за того, что Алёнка отвлекает других сотрудников от работы и часто сидит у него в приёмной.

Напротив, они прекрасно ладят и находят общий язык.

Пока Алёнка завтракает, я вижу, что она хмурна, и чем — то крайне недовольна.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, мамочка.

— Горло не болит?

— Нет, мамочка. У меня ничего не болит. Я тебе обещаю, что у меня не будет ничего болеть. Сегодня, и завтра, и послезавтра. А дальше как дни считаются? — задаёт мне неожиданный вопрос.

— Алён, а почему у тебя ничего не будет болеть? — Дочь не отвечает, а только сразу же отводит от меня глаза. Уткнувшись взглядом в чашку с чаем, она упрямо занимает позицию молчуна.

Зная характер своей забияки, понимаю, что мне придётся разгадывать эту загадку самой.

— Алён, — глажу её волосы. — Ты так переживаешь из-за того, что у тебя кашель? Уколов боишься?

Дочка отрицательно крутит головой.

— Нет, уколов я не боюсь. Тем более в прошлый раз тётя делала их не больно. Просто я не хочу... чтобы ты сдала меня в детдом.

Она поднимает на меня взгляд, и я впервые в жизни замечаю там самый настоящий детский страх.

— Куда?! — я аж кофе еле успеваю проглотить, когда она это говорит. — В какой дом?

— Ну как он там его называют? — всхлипывает и напрягается, пытаясь вспомнить. — Вроде так. Наташка говорила недавно, но я точно не запомнила. Мам, ты что, не знаешь про это место? — искренне удивляется.

Глава 2

— Нет, не знаю. — Не хочу огорчать ребёнка, подтверждая, что знаю.

Да, иногда ложь бывает во благо. Меня в обратном никто не переубедит.

— Это место, куда приводят родители детей, и не забирают обратно. Они там спят, едят, играют. Потом, когда подрастут, делают уроки, — со знанием дела перечисляет дочь.

— Подожди, может быть, ты имела в виду детский сад? Ну ты же ходишь туда каждый день! — пытаюсь убедить её, что она ошиблась.

— Нет, нет, — уверенно крутит головой Алёна. — Подожди, я тебе сейчас покажу.

Быстро убегает в мою спальню, приносит телефон и протягивает его мне. Просит, чтобы я открыла поиск.

— Я ещё писать правильно не умею, ты сама напиши. Ну или попроси, чтобы голосовой помощник тебе помог. Вот так и задай вопрос: что такое детский дом? Он тебе ответит.

— Алён, — притягиваю дочь к себе и сажаю на колени. — Ну я-то ладно. А откуда у тебя такие познания о детском доме?

— Подружки рассказали.

— А они откуда знают?

— Наташина мама сказала, что, если она не будет слушаться, или будет часто болеть, она сдаст её в детский дом.

— Зачем?

— Потому что маме приходится постоянно сидеть на больничном, и её скоро уволят. Прямо так её начальник и сказал!

— Неужели?

— Да! — снова хмурит брови, и я вижу, как она усердно вспоминает рассказ своей подружки из детского сада. — Сказал: если она ещё раз возьмёт больничный для того, чтобы сидеть со своим вечно болеющим ребёнком, он её уволит без всякого... Как там его... Ну без денежки.

— Выходного пособия, — помогаю дочери закончить предложение.

— Да, да, примерно так. — Кивая, улыбается Алёнка, радуясь, что я, наконец, поняла суть этого страшного места. — Ну мама и сказала Наташке, что в случае, если у неё не будет денег, она точно будет вынуждена сдать её в детдом.

— Неужели такое бывает... — бубню себе под нос.

— Видимо, да, — пожимает моя дочь плечами.

— Ну, тогда мама твоей Наташи — дура! А руководитель мамы Наташи настоящий тиран! — не сдерживая своего возмущения, выпаливаю я на эмоциях. В этот момент я даже не задумываюсь о том, что моя дочь может запомнить такие слова.

После этих слов замечаю, как округляются глаза Алёны. Она редко слышит от меня подобное.

Сразу же начинаю жалеть, что не сдержала своё возмущение.

— То есть ты не сдашь меня в детдом, даже если я буду болеть?

— Нет, конечно. Никогда и ни за что! — притягиваю Алёнку к себе и начинаю целовать её лицо везде, куда попадаю. В макушку, лоб, щёки, веки.

Дочь заходится залившимся смехом, а я счастлива от этого.

Пару минут обнимаю, и она спрыгивает с моих колен.

— Пойдём собираться? — подгоняю её.

— Да! — теперь ответ моей малышки звучит бодро и радостно. — Куклу можно взять?

— Хоть две!

Пока Алёнка ищет свою куклу и модную сумочку, я слышу, как она снова начинает покашливать.

Кашель другой, сдержанный. Но я понимаю, что она зажимает рот ладошкой. Я же не глухая.

— А я – то думала, что нам повезло и она всё-таки не разболеется, — вздыхаю, одеваясь в своей комнате, считая, что дочь меня не слышит.

— Мама, всё будет хорошо. Дай мне и лекарство, я возьму с собой ингалятор. А ты, кстати, так и не сказала, куда мы с тобой поедем.

— Мы поедем ко мне на работу. Раз сегодня нет температуры, и кашель не очень частый ты побудешь со мной там. А дальше будем принимать решение.

— Ура! — начинает скакать Алёнка и хлопать в ладоши. — Значит, меня снова накормят конфетами!

— Ага, — тяжело вздыхаю. — И, значит, у тебя снова начнётся диатез. Всё, собирайся! — подталкиваю дочь к выходу из комнаты.

Пока она натягивает пальто и шапку, я на всякий случай звоню своему боссу и спрашиваю разрешение прийти с дочерью.

Я знаю, что он никогда не бывает против, но всё-таки я не хочу злоупотреблять его добротой.

— Диана, ну ты же знаешь, никаких проблем. Мне главное, чтобы работа была сделана. Как, справишься одновременно и со своей непоседой, и с рабочими вопросами? — смеётся в трубку босс.

— Я постараюсь!

— Слушай, единственное только... Я сегодня, скорее всего, буду занят. Скажи ей, чтобы она ко мне в кабинет не приходила. Я не смогу отвлекаться на неё.

— Конечно! Я обязательно ей передам. Извините меня, что она такая бесцеремонная девочка.

— Нормально всё, Диан. Не переживай за это.

Кладу трубку, закрываю глаза и в очередной раз начинаю благодарить Вселенную за то, что она послала мне такого работодателя.

— Алён, ты готова?

— Да.

Поглядывая на время, мы с дочкой быстрым шагом спешим на автобус.

Запрыгиваем в него практически на ходу. Но как бы я ни торопилась, словно по заказу попадаем в жутчайшую пробку.

Замечаю, как от этого портится настроение моей дочери. Кажется, она сейчас начнёт гудеть, что её всё не устраивает.

Так и происходит. Как только мы выходим из автобуса и прибавляем шаг, я слышу знакомые ноты.

— Мам, мам, ну, подожди! Я не успеваю за тобой! — поскуливает Алёна, когда я тороплю её идти быстрее.

— Алён, мы и так уже опаздываем. Не нужно злоупотреблять добротой моего шефа.

— Я знаю, он не будет ругаться.

— И всё-таки! А, кстати, забыла тебе сказать: Артём Ильич сегодня просил тебя без разрешения не приходить. У него сегодня какие-то важные люди. Давай договоримся, что ты не сунешь свой нос в его кабинет, пока он тебе не разрешит. Хорошо?

— Хорошо, мамочка.

— Ну вот и умница! Давай не будем наживать себе проблем.

— У нас их и так много, да?

— Хватает! Но мы вместе, а значит, справимся. Правда?

— Правда!

Глава 3

— Кто к нам пожаловал! — спеша к себе в кабинет, встречаю секретаря нашего руководителя Артёма Ильича — Юлю.

Заметив Алёнку, её лицо озаряется тёплой улыбкой.

— Привет, — улыбаюсь ей в ответ, хотя на душе нет никакой радости.

— Ты уже соскучилась по маминой работе, зайка? — подмигивает моей дочери.

— Да!

— Как твои дела? — Юля заходит следом за нами в кабинет.

— Нормально! — серьёзно, почти по-взрослому отвечает дочь, садясь за мой рабочий стол. — Я... приболела.

Алёнка хочет ещё что-то сказать, но не успевает, заходясь в приступе сухого, раздражающего кашля.

— Всё с вами ясно. — Женщина участливо вздыхает, и я чувствую неподдельное сочувствие. — Ну что, опять по новому кругу?

— Да.

Юля больше ничего не спрашивает. Она тоже мама непоседы, поэтому понимает меня без лишних слов.

Она знает, каково это – одной справляться с работой и больным ребёнком, когда помощи ждать неоткуда.

В моём случае это в буквальном смысле. Мне даже на пару часов дочь оставить не с кем.

Мама далеко, а отец Алёны исчез сразу после того, как узнал о моей беременности.

Его ультиматум: или я, или ребёнок определил наше будущее за пару минут.

Именно потому Юля, сочувствующая мне, особенно тепло участвует в жизни Алёнки, когда та появляется в офисе.

То отвлечёт её, поиграв с ней. То чаем напоит, когда я заработавшись забуду, что Алёнке надо обедать.

На том, собственно, я и держусь! Меня окружают прекрасные и участливые люди.

— Пойдём ко мне? — приглашает Юля мою непоседу в приёмную. — А мама пусть поработает.

— Спасибо, Юль, — только собираюсь рассыпаться в комплиментах о её доброте, как сразу же вспоминаю о том, что у Артёма Ильича сегодня важные гости, и Алёнке возле кабинета босса лучше не находиться. — Ой, нет, не надо. Сегодня к Артёму Ильичу должны прийти какие-то важные персоны. Не надо ей сейчас крутиться возле кабинета генерального.

— Не волнуйся. Босс сказал, что встреча, возможно, отменится. Кажется, машина с Дмитрием Николаевичем попала в аварию.

— Вот так новости! Надеюсь, ничего серьёзного?! — Сочувствую человеку, которого совершенно не знаю.

— Новостей пока нет. Но я думаю, даже если они приедет к нам, то это будет намного позднее. А ты уже успеешь сделать все свои дела и забереешь дочь. Кстати! Ты слышала слухи, которые ходят по компании?

— Нет. О чём речь?

— Говорят, наш босс подумывает нас продать.

После слов Юли я замираю и практически перестаю дышать.

— Продать? Как это?

Юля, улыбаясь, понимая, что я поняла её слова буквально.

— Я о компании.

— А... Нет, не слышала. Не может быть... Это же тогда мне придётся...

— Да, да. Искать другую работу. Но я думаю, что это только сплетни, иначе наш босс давно бы нам об этом сказал. Он не из тех, кто устраивает подобные сюрпризы.

— Надеюсь... Для меня это будет сюрприз-катастрофа. — От мысли, что я скоро могу лишиться этого места, по моему телу бегут мурашки.

— Ладно, беги и не отвлекайся! Пойдём, Алёна, — Юля протягивает руку моей малышке, и та с удовольствием вкладывает в её руку свою.

— Юля, с меня обед!

— Да брось ты! У меня самой подросток. Но я не забыла, что такое, когда болеют дети. Ничего, Дианочка, прорвёмся! Не переживай.

Когда моя дочь и помощница Артёма Ильича скрывается за дверями моего кабинета, я погружаюсь в работу. Не замечаю, как пролетают два часа.

Периодически думаю о том, что сказала Юля, но верю в лучшее. В моей жизни всегда нужно надеяться на чудо. По-другому не выжить.

Оторвавшись от бумаг, спешу в приёмную, чтобы забрать дочь к себе в кабинет.

Не успеваю зайти внутрь, как слышу оттуда громкий разговор, похожий на конфликт.

— Девочка сделала это не специально! — долетает до меня голос Юли и догадываюсь, что она защищает мою дочь.

— А мне плевать, специально или нет! Нечего носиться по офису, и уж тем более со стаканчиками грязной воды! Она испортила костюм! — а этот голос я не знаю.

— Отстираем! — продолжает секретарь.

— Отстирает она! А ты хоть знаешь, сколько он стоит? — спорит визгливая дама. — Да тебе зарплаты не хватит, чтобы рассчитаться за него!

— Тётя Юля и не должна рассчитываться за него! — встревает моя малявка. — Она не моя мама.

— Успокойся, Люда. Ничего страшного не произошло, — присоединяется чей-то мужской голос.

— Нет, произошло! Зови сюда свою маму и готовь её к большим расходам! И вообще, не выступай, соплячка, когда взрослые разговаривают!

Широко открываю дверь и смотрю на незнакомцев.

— Здравствуйте! — как можно спокойнее говорю я, но мой взгляд сразу же цепляется за мужчину в безупречно дорогом, тёмно-сером костюме. Сразу же замечаю, что на его брюках чуть ниже колена красуются тёмные разводы. А на полу рядом с ним валяется пустой стаканчик. — Ох... — невольно вырывается из меня тихий стон. — Извините...

Мне даже говорить не надо, я и так понимаю, что его костюм испорчен моей дочерью.

— Здравствуйте, — кивает мне. Его лицо спокойно. Особого гнева в глазах не замечаю.

Собираюсь предложить ему оплату химчистки, но не успеваю даже рта открыть. Женщина, чей голос я слышала в перепалке с Юлей, начинает высказывать мне свои претензии.

— Это ваша дочь? — складывает руки на груди.

Всматриваюсь в её лицо. Я её здесь никогда не видела.

— Моя, — выпрямляю спину и готовлюсь к возмущениям.

— Что она здесь делает? — дамочка ведёт себя, словно она руководитель этой компании.

— Так получилось, что она приболела, и мне не с кем её оставить, — только начинаю говорить, но следом останавливаю себя.

Стоп! А кто она, собственно, такая? Почему я должна перед ней оправдываться?

— Мамочка, я не специально! Правда! — тонкий голосок Алёнки снова привлекает внимание окружающих.

Смотрю на дочь и замечаю, что её глаза наполняются влагой.

На лице нет ни капли озорства. Только страх и растерянность.

Её желание заплакать будит во мне природные чувства. Я сразу же хочу защитить своего ребёнка.

— Успокойтесь! — холодно говорю даме. — Мы всё возместим!

Снова смотрю на брюки мужчины и не понимаю причины для истерии. Неужели стоит устраивать столько крика из-за каких-то штанов?!

Конечно, я понимаю, что у мужика крайне дорогой костюм, и он пришёл на важную встречу с моим боссом, но всё-таки с ребёнком можно было бы быть и повежливее. Особенно той даме, которая к этому костюму вообще никакого отношения не имеет.

— Конечно, возместите. Пусть твоя мамаша теперь платит за костюм! — снова начинает выступать незнакомка и смотрит на мою дочь.

— Обращайтесь ко мне, а не моему ребёнку! — резко говорю ей.

— Люда, хватит, помолчи. Я сам разберусь, — неожиданно резко мужчина прерывает наш диалог. — Мне ничего не нужно. И деньги тем более. Я в состоянии купить себе новый костюм. Ну или этот сдать в химчистку. А вы... — поворачивается ко мне, — приглядывайте за своим ребёнком тщательнее.

— Да, да, это случайность. — Я меняю тон, когда говорю с женщиной. В отличие от этой дуры я благодарна незнакомцу за то, что он не поддержал эту верещалку. — Алёна, — подходу к своей малышке, — скажи дяде спасибо, что он с пониманием отнёсся к твоему случайному поступку.

— Спасибо! — дочь, понимая, что конфликт исчерпан, расслабляется и перестаёт хлюпать носом.

— Пожалуйста, — равнодушно бросает мужчина в ответ.

Собираюсь выйти вместе с дочкой из кабинета, но Алёна не спешит за мной и снова обращается к незнакомцу:

— А вы сюда на работу устраиваться пришли?

— Нет.

— Понятно-о-о, — тянет слово. — А это ваша жена? — без всякого стеснения показывает забияка пальцем на дамочку, которая отчитывала её пару минут назад.

— Алён! — одёргиваю дочь и пытаюсь взять её за руку, но она прячет ладошку.

— Нет, — замечаю на губах мужчины лёгкую улыбку.

— Это хорошо. И лучше не берите её замуж.

— Почему? — замечаю его интерес к будущему ответу моей дочери.

— Потому что она тиран! То есть тиранка! — выдаёт моя дочь, кивая в сторону женщины. — Мам, а как тёти злые называются правильно? Помнишь, ты сегодня так босса мамы Наташки называла.

Глава 4

Несколько пар глаз устремляются на меня, а я готова от стыда сквозь землю провалиться.
— Алёна! Прекрати немедленно! — повышаю голос на дочь, не позволяя ей продолжать.
Это переходит все границы дозволенного!

Когда она себе стала позволять так разговаривать со взрослыми?! Не имеет значения, кто стоит перед ней сейчас. Она не должна говорить такие слова.

Конечно, я больше злюсь на себя, чем на неё, потому что я слишком много работаю и мало провожу времени с ребёнком. Но разве это как-то оправдывает её поведение?

Так или иначе, но она знает, что такое хорошо и что такое плохо. Да и я своим примером уважительного общения с людьми не раз показывала ей, как люди должны общаться между собой.

— Это... Это... Это возмутительно! — пыхтит как паровоз незнакомка-истеричка. — Что она себе позволяет!

— Люда, прекрати. Не связывайся с ребёнком. Пойдём, — настаивает мужчина.

Замечаю, что женщина в своём гневе покрывается красными пятнами, а мужчина чуть улыбается, но старается быть серьёзным.

— Что ты такое говоришь, Алён, — одёргиваю дочь. — Никогда не говори таких слов взрослым.

— Мамочка... — теряется неожиданно моя дочь. — Но она же злая. Злые все дуры.

Юлька, плюнув на хороший тон, слушая мою дочь, без всякого стеснения, хохочет.

— Юль! — цыкаю на помощницу нашего руководителя. — Прекрати! Алёна, так нельзя разговаривать со взрослыми, — снижаю интонацию, но трясущаяся нижняя губа моей дочери, без сомнения, указывает мне на то, что она скоро заплачет. — Нужно извиниться!

— Да! И немедленно! — гордо вздёргивает высокомерная дамочка свой нос. — Ваша дочь избалована и не следит за своим языком.

— Она обычно так с людьми не разговаривает.

— Люда, я же сказал — хватит! — мужчина наконец-то уводит свою даму в кабинет моего босса.

Надеюсь, он не расскажет ему, как Алёна нахамила этой незнакомке.

Если расскажет, это будет полный провал. Особенно, что Артём Ильич предупреждал меня, чтобы Алёна не лезла в приёмную сегодня.

— Извините! — насупившись говорит моя дочь, пока мужчина спешит уйти и утащить следом женщину.

Вижу, дамочка хочет продолжить перепалку с моим ребёнком, но незнакомец не позволяет ей этого сделать.

Как только дверь за этими людьми закрывается, я плюхаюсь в кресло и громко выдыхаю.

— Это просто кошмар... Дочка, ты зачем это сделала? — не могу скрыть того, как я расстроена.

— Потому что она злая!

— Это неважно. Разве так я учила тебя общаться с людьми?

Замечаю, как после моего замечания Алёна надувает губы и демонстративно отворачивает от меня лицо.

— Очень надеюсь, что это не те самые важные персоны, о которых говорил мне Артём Ильич. Иначе путь сюда моей дочери будет закрыт навсегда, — поворачиваюсь к Юле.

— Плюнь и разотри! — странным образом поддерживает меня коллега.

— Вот-вот! — подаёт голосок моя дочура.

— Алёна! — снова цыкаю на неё. — Юль, ну как плюнуть, если я обещала Артёму Ильичу, что Алёнка не будет крутиться здесь. Получается, я подвела своего босса.

Несколько минут сидим в тишине каждый в своих мыслях.

Юля несколько раз пытается подойти к двери нашего босса и прикладывает к ней ухо. Думаю, она и сама очень переживает, что ситуация сложилась именно так, как сложилась.

Кроме того, с таким видом, как у незнакомца, вероятнее всего, что наш босс спросит, что случилось.

— Смеются, — тихо говорит мне. — Шеф вроде в нормальном настроении.

— Было бы хорошо.

Юля, вернувшись за свой стол, словно извиняясь достаёт коробку с конфетами.

— Девочки, угощайтесь, — подмигивает нам.

Алёнка смотрит то на меня, то на конфеты, но взять не решается. Ждёт, пока я разрешу.

— Диана, прости! Я не успела даже отреагировать, когда она решила самостоятельно вылить воду после того, как порисовала.

— Это ты меня прости. Я сама должна приглядывать за ней, а не ты. Но я ничего не успеваю. Хоть разорвись...— теперь уже не только у Алёнки, но и у меня трясётся нижняя губа.

Кажется, сейчас тоже разревусь.

Я никогда не повышаю голос на дочь, а здесь пришлось. Но она совсем некстати оскорбила эту незнакомку.

Дочь по-прежнему стоит в стороне.

— Алён, прекращай дуться. В этом случае ты не права.

— Конфету можно?

— Можно, — не могу сдержать улыбки. Ну как на неё злиться?

— Она кричала на Юлю, — я даже выдохнуть не успеваю, как Алёнка уже стоит возле стола Юли и, жуя конфеты, начинает мне пересказывать, что случилось. — А позже на меня! А потом говорила, что Юле не хватит денег для того, чтобы расплатиться за костюм. А потом, когда поняла, что она не моя мама, сказала, что ты должна будешь много денег. А потом... — тараторит моя дочь, не зная, что я в курсе всего происходящего.

— Подавишься, болтуха! Я всё слышала. Я понимаю и знаю, что ты хотела защитить меня и Юлю. Только, как ни крути, ты ведь испортила чужой костюм. А я несу за тебя ответственность.

— Почему? Это же случайность.

— Ну и что. Ты моя дочка. И неважно, случайно это вышло или нет, я обязана возместить ему ущерб.

Я пытаюсь как можно ласковее объяснить своей дочери, что такое ответственность, но моя категоричная малявка не хочет этого слушать.

— Но это несправедливо! Я сделала это не специально! — начинает злиться, повторяя эту фразу.

Иногда эту упрямыцу не переубедить

— Ладно, пошли ко мне в кабинет.

Вернувшись к себе, прошу Алёнку посидеть с небулайзером.

Она безропотно соглашается. Но не потому, что настолько послушна, а потому что сама переживает из-за ситуации, которая случилась с нами.

— Подожди, я принесу воды, чтобы ты выпила лекарство. А потом пойдём обедать.

— Хорошо, мамочка, — теперь моя дочь сама милота.

Беру в руки чайник и иду к кулеру.

Набирая воды, замечаю, как незнакомец с испорченными штанами и девица выходят из кабинета Артёма Ильича.

Девушка, проходя мимо меня, фыркает и куда-то спешно уходит. А мужчина на пару мгновений задерживается.

— Простите ещё раз, — говорю тихо, когда мужчина проходит мимо меня. — Я готова оплатить химчистку.

— Ничего не надо, — замечаю, что он не в настроении. До того, как он заходил в кабинет к моему боссу, он был более приветлив. — А насчёт костюма, моя помощница права. Детям нечего делать в офисах. Они должны быть в детском саду.

— Ребёнок не всегда может пойти в детский сад. Он может заболеть и...

— Значит, сидите с ним дома, раз девочка болеет.

— А это, простите, не ваше дело, где мне быть с моим ребёнком. Мой руководитель разрешил ей находиться в офисе, значит, так и будет.

— Артём Ильич слишком добрый, раз позволяет такое. Я бы на его месте совершенно точно этого терпеть не стал. Или работа, или дети.

— А если совместить?

— Получится ерунда. Ни туда, ни сюда.

— Но как-то женщины же совмещают...

— Вот именно: как-то! Думаю, мне не придётся вам объяснять смысл этого слова?

— Какое счастье, что мой руководитель Артём Ильич, а не вы! — тоже, как Алёнка недавно не сдерживаюсь.

— Всё может измениться в одну секунду, — замечаю, что мужчина произносит эти слова как-то неожиданно надменно и усмехается.

Глава 5

После его слов я снова сразу же вспоминаю слова Юли.

Неужели этот тип выкупит нашу компанию, и именно для этого он приезжал сюда?

Если да, тогда в таком случае мне совершенно точно грозит увольнение.

Хотя, я сама уйду. Несложно догадаться: если дамочка — истеричка будет руководить вместе с ним, это будут бесконечные унижения.

— Как это понимать? — жду ответа мужчины.

— Так и понимать: в жизни нет ничего постоянного. Сегодня у вас добрый босс, а завтра не очень. Возможно, даже... тиран! — вижу, как начинает шире улыбаться.

Да он издевается надо мной!

— Нет уж. Я лучше останусь работать на Артёма Ильича, — говорю так, словно мне кто-то предоставляет выбор.

— Не надо надеяться и тешить своё самолюбие, что он будет вас спрашивать, как ему поступать со своим бизнесом.

— А вам откуда знать, что он будет меня спрашивать, а что нет? — в пику отвечаю ему. Не могу остановиться в своём возмущении от его намёков, наглости и высокомерия.

— Да вы хамка! — вижу, как меняется его лицо от насмешливого до удивлённого. — Мало того, что ваш ребёнок испортил мне одежду, мало того, что я простил вам долг, вы ещё и...

— Это вы начали, не я.

Спустя мгновение я замолкаю, ошеломленная собственным поведением. Зачем я с ним конфликтую и допускаю такую грубость? Особенно при условии, что я вижу этого человека впервые в жизни и, возможно, больше не увижу никогда?

Даже если я сто раз с ним не согласна, зачем вступать в диалог? Проще ведь развернуться и уйти. Но мы продолжаем препираться.

Вероятнее всего, это от накопленной усталости и беспомощности из-за болезни дочери. А ещё из-за волнения за компанию и мою должность.

Это словно защитная реакция вырывается через негатив, который я не могу контролировать.

— Ерунда какая-то... — собирается уйти мужчина, видимо, тоже понимая, что наш конфликт произошёл на ровном месте.

— Что здесь происходит? — слышу бас своего босса.

Поворачиваюсь сначала на его голос, а потом снова смотрю на мужчину.

Жду, как тот начнёт выговаривать моему руководителю о невежливости его сотрудников. Однако ничего подобного не происходит.

Наверное, пропустил мимо ушей мои слова. Догадываюсь: таких толстокожих, как он, вряд ли что-то возьмёт. Он холодный как ледышка. Один его взгляд чего стоит!

— Ваши сотрудники, Артём Ильич, большие хамки! Вот что здесь происходит, — неожиданно раздаётся рядом.

Та самая истеричка вернулась обратно, и как я догадываюсь намеренно втягивает меня в продолжение скандала.

Только такую глупость я больше не совершу.

— Диана, что случилось? — спокойным голосом спрашивает меня Артём Ильич. — Я слышал звуки, но даже не сразу понял, что здесь конфликт.

— Простите, это вышло случайно. Я не хотела оскорбить вашего гостя, так же как и его помощницу.

Незнакомец ухмыляется, помогает одеться дамочке, следом берёт своё пальто с вешалки и торопится скрыться за дверями приёмной.

— погоди, Дим! Мы же хотели пообедать вместе! — говорит громко вслед мужчине Артём Ильич.

— Не хочу, Тём. Сейчас нет аппетита. А ужин – всё как договаривались.

Мы остаёмся с Артёмом Ильичом в приёмной вдвоём, и я замираю, ожидая выговора.

— Что у Димы... Дмитрия Николаевича со штанами? Алёнкиных рук дело? — улыбается.

— Её! — киваю и опускаю понуро голову. Говорят: повинную голову и меч не сечёт. Может, и моя удержится на плечах, если я скажу правду.

— Ну мелкая! Вот егоза!

— Я пойду? — спрашиваю тихо.

— Нет. Ты мне нужна. Пойдём в кабинет.

— Но у меня дочь одна в кабинете... Ей нужно принять лекарство. И пообедать.

— Ох и правда, время уже полдень! — смотрит на часы мой руководитель. — Не заметил. Ладно, тогда корми её обедом, лекарствами и приходи ко мне. Разговор очень важный.

Весь обед я сижу как на иголках. Кусок еды в горло не лезет.

Это мучительное ожидание с непониманием, о чём мой босс хочет поговорить со мной, тяготит сильнее всего.

Дочка меня что-то спрашивает, я киваю, улыбаюсь, пытаюсь не показывать своего волнения.

Но в голове практически непрерывно крутятся одни и те же мысли: зачем он вызывает меня? Хочет сообщить о продаже компании?

Пока сам босс не говорит об этом, я всё ещё верю, что такие разговоры только сплетни.

И неважно, что подобные намёки и этот незнакомец высказал. Плевать!

От босса не услышала, значит, нет повода для отчаянья и страха потерять это прекрасное рабочее место.

Но если Артём Ильич всё-таки продаст компанию, клянусь: я не знаю, как смогу совместить новую работу и болеющую Алёнку.

Мне снова нужно будет доказывать свою полезность, ум, хватку. Но где взять на это силы, если последние и так на исходе?

Сколько раз я уже мечтала просто выспаться и отдохнуть. Только пока для меня это непозволительная роскошь.

— Алёнка, ты посиди здесь, — включаю ей мультики на телефоне, хотя прекрасно понимаю, что это дурацкий способ задержать внимание ребёнка.

Я стараюсь этим не злоупотреблять, и мысленно готова дать себе подзатыльник, но сейчас мне очень важно, чтобы она никуда не выходила из кабинета.

Я боюсь, как бы она ещё на какие-то неприятности не нарвалась. А мне сегодня совершенно точно их достаточно.

— Мамочка, ты куда?

— Мне нужно сходить к нашему доброму и прекрасному Артёму Ильичу. Алён, умоляю, не влезай никуда. И не ходи по кабинетам. — Останавливаюсь на выходе и умоляющим тоном прошу дочь.

Вижу, как Алёнкино лицо растягивается в улыбке. Неужели опять что-то вытворит.

— Чего ты так улыбаешься? — настороженно спрашиваю её.

— Вот бы он был моим папой! — закатывает глаза мечтательница и выдаёт моя дочь-фантазёрка.

От такого громкого заявления проходящая мимо моего кабинета девушка, смотрит на меня и усмехается.

Быстрым движением прикрываю дверь.

— Алён, нельзя говорить про Артёма Ильича такие вещи.

— Почему?

— Потому что у него свои детки есть.

— Ну и что? Пусть поделятся своим папой со мной.

— Нет, так не бывает. — Разочаровываю её, когда дочь выдаёт мне такие желания.

Раньше, кстати, я таких от неё не слышала.

Она восхищалась моим руководителем, да. Но чтобы выдать такое — это впервые за все годы, пока Алёна знает Артёма Ильича.

— А если я Деду Морозу такое желание напишу, всё равно не сбудется?

— Нет. Это желание неисполнимое.

— Жаль. Как же повезло его детям. У них есть такой добрый папа, — вздыхает задумчиво дочь.

— Солнышко, пожалуйста, не говори такие вещи больше никогда.

— Про дядю Артёма?

— Про Артёма Ильича. Он не дядя Артём для тебя, — сразу поправляю её, напоминая, что он мой босс, и только. — Запомни, Алёна для тебя он всегда будет Артём Ильич! И это не изменится!

— Я поняла, — снова вздыхает тяжело моя малышка и тащит с моего стола листок и ручку. — Ладно мамочка, иди. Не переживай, я никуда не выйду. Я подожду тебя и пока нарисую нашу семью. Ты и я... И больше никого.

Киваю и спешу к своему боссу. Пора узнать причину для чего он вызвал меня.

Глава 6

Пока иду к кабинету своего шефа, дорога кажется мне удивительно долгой.

Чем ближе была дверь в приёмную, тем сильнее учащался мой пульс.

Оказавшись у двери своего шефа, я предупредительно стучусь. Услышав «Войдите» аккуратно открываю её, вдыхаю поглубже и захожу.

«Соберись!» — строго приказываю себе.

— Проходи, — улыбается Артём Ильич. Так, настроение вроде бы хорошее. — У тебя Алёнка снова кашляет?

— Да.

— Надо показать её хорошему пульмонологу.

— Да, наш врач в поликлинике не может определить диагноз.

— Я спрошу у жены, может, она кого знает.

— Спасибо вам.

Всё-таки не могу сдержать слёз, и они беззвучно начинают катиться по моим щекам.

Поднимаю глаза и начинаю быстро моргать.

Я никому не могу рассказать, как я устала от этих болячек.

— Ну, ну, Диан, прекрати. Я подумаю, чем тебе помочь.

— Спасибо. Артём Ильич. О чём вы хотели поговорить?

— На, смотри, — он протягивает мне графики продаж.

— Вроде бы всё отлично.

— Согласен. Но посмотри вот здесь, — показывает мне на те несколько дней, где меня не было. Догадываюсь: он будет говорить про работу других сотрудников. — Диана, что они делают не так? Скажи?

— Не знаю, — пожимаю плечами. Я не вру, когда говорю, что не знаю. Не могу давать советы и говорить про промахи других, когда не знаю, по какому принципу они работают.

— Наверное, тебе надо думать о повышении, — задумчиво смотрит вдаль мой руководитель. — Но не сейчас... В другом месте.

— Не поняла...

— Забудь пока. Позднее объясню.

А дальше мы обсуждаем рабочие вопросы, спорим по некоторым моментам, договариваемся о планах на ближайшие дни, и я спешу к своей дочери.

Про закрытие компании он не говорит ни слова, и я в надежде, что всё-таки это сплетни со спокойной душой встаю с кресла, чтобы уйти.

На выходе из кабинета слышу, как моему боссу кто-то звонит и Артём Ильич неожиданно говорит о переезде.

Переезде? Ничего не понимаю. Голова скоро лопнет!

Юля говорила про продажу компании. Незнакомец намекал на то, что возможно, именно он станет моим новым боссом. А это возможно только, если Артём Ильич продаст её.

А от своего босса я слышу слово «переезд».

В приёмной никого нет, и я, пользуясь этим, тяжело сажусь в кресло и закрываю руками лицо. Я не могу сложить дважды два от такой противоречивой информации.

От этого на душе становится ещё тяжелее.

Неужели мне действительно придётся искать новое место работы?

Слёзы бессилия и разочарования просятся наружу, но я поднимаю лицо и быстро моргаю. Нельзя!

Ночью в подушку – пожалуйста. А сейчас никак нельзя!

Вспоминая, что меня ждёт дочь, спешу на выход из приёмной.

В дверях снова нос к носу сталкиваюсь с тем незнакомцем, которому на штаны Алёнка пролила грязную воду.

Да что за день-то сегодня такой невезучий! Его мне ещё не хватало.

Каждый из нас хочет уступить дорогу другому, но в то же время мы пытаемся он зайти, а я выйти одновременно.

— Свободен ваш босс? — холодно спрашивает меня. — Нам пора ехать.

— Да. Я только что от него, — говорю ему совершенно ненужную информацию.

— Ясно.

Он ещё что-то собирается сказать, но замолкает. Вижу, как его взгляд скользит с моего лица вниз, к груди.

Возмущение готово сорваться с моих губ, но в ту же секунду я понимаю причину его неожиданного сосредоточения не на моём лице, а ниже: у меня расстёгнута блузка.

Хоть это и не выглядит слишком откровенно или вульгарно, но совершенно точно в ситуации определённно есть что-то неприличное.

Особенно при условии, что я только покинула кабинет Артёма Ильича.

А учитывая, какие истории про нас здесь рассказывают за спиной, я отлично понимаю, куда сразу же отправляются его мысли.

— От босса, говорите, идёте? — хмыкает, чем окончательно добивает меня.

— А у вас все мысли только через штаны!?! — не сдерживаюсь и бросаю этому мужику злую фразу. Но я сейчас настолько расстроена, что мне плевать на его реакцию.

Возвращаюсь в свой кабинет окончательно расстроенная. Смахиваю слёзы. Еле дошла до своего рабочего места, чтобы не разреветься прямо в коридоре.

Конечно, дело не в этом мужчине, и не он расстроил меня. Дело в том, что я случайно услышала. Это, пожалуй, сильнее всего остального выбило из колеи.

Почему всё валится на мои плечи? Сколько можно?

Мало того что у меня постоянно болеет ребёнок и денег осталось совсем ничего, так ещё в перспектива безработицы.

Эти составляющие окончательно ломают мою веру в лучшее.

Пару минут сижу молча и вытираю слёзы. Алёнка сидит, смотрит на меня и тоже молчит.

Моя умная девочка. Знает, когда лучше не лезть с разговорами.

Поднимаю взгляд на её растерянное лицо, сжатую куклу в руках, и понимаю, что не имею право на твоё поведение. Ради неё не имею!

Я не знаю, сколько ещё неприятностей будет сыпаться на мою голову, но всё равно справляюсь. Знаю! У меня нет выбора. Я буду сильной.

Ради себя, ради дочери, ради того, чтобы она была счастлива.

Ради того, чтобы она не смотрела на меня, как сейчас – растерянно и напугано, я буду бороться даже с ветряными мельницами, если это будет нужно!

— Мама, что-то случилось? — всё-таки решается и подходит ко мне дочь.

Она откладывает куклу, аккуратно подносит свои ладошки к моему лицу и стирает слёзы.

Я в ответ улыбаюсь и целую её руки.

— Ничего особенного, — вру. Зачем ребёнку знать о проблемах взрослых. — Просто сложный день. Но скоро он закончится и снова всё будет хорошо.

— Тебя дядя Артём отругал? Ты где-то ошиблась? Что-то неправильно сделала? — киваю, соглашаюсь, лишь бы она прекратила свой допрос.

И мне даже плевать, что она снова называет моего босса дядей Артёмом. Всё равно никто сейчас не слышит.

Напомню ей чуть позднее (в который раз!), что так моего руководителя называть нельзя. Может быть, если я скажу ей сотню раз, тогда она наконец-то услышит меня.

— Ах, вот как! — Алёнка, увидев мой кивок головой, тут же разворачивается и стремительно бросается к выходу из кабинета.

Она так быстро пытается убежать, что я только и успеваю ухватить её за руку, чтобы остановить. Я очень озадачена этой внезапной торопливостью.

— Постой, куда ты? — не понимаю, что в моём ответе вызвало такую спешку.

Она разворачивается ко мне, и я замечаю на её лице взрослую решимость к непонятному для меня пока что действию.

— Я пойду к дяде Артёму. Я всё ему расскажу. Скажу, что это я виновата! Объясню, что я всю ночь так кашляла, что ты не сомкнула глаз из-за меня. Вот ты и устала, и ошиблась в его бумагах! И тоже получается из-за меня. Мама, он же хороший! Он обязательно поймёт! Я уверена!

Подхожу к дочери, приседаю перед ней на корточки, чтобы быть с Алёной на одном уровне, и беру её маленькие, горячие ладошки в свои.

Смотрю в её серьёзные глаза и не сдерживаю улыбки.

Господи, как же она обо мне беспокоится. Эта маленькая девочка, которой самой нужна забота и защита, вдруг встала грудью на мою защиту.

— Алёнушка, я ведь просила тебя не называть его дядя Артём. Мы договаривались с тобой, но ты нарушаешь наши договорённости. Если это кто-то чужой услышит, этот человек не поймёт, почему ты так обращаешься к моему руководителю. Вот сегодня ты была в приёмной, а туда пришли важные люди. Представляешь если бы ты прямо при них назвала его дядя Артём? Вот бы они удивились!

— А мне наплевать! — теперь хмурится моя дочь, и я вижу её в глазах недовольство. Откуда мне это появилось, не понимаю. Она никогда не была злой.

— Это что за слова такие? — журю её. — Нельзя так говорить.

— Почему? Надо будет, так и скажу им! — складывает руки на груди.

— Нельзя так говорить. Ты этих людей совсем не знаешь. Может быть, они добрые и хорошие. А ты с ними сразу ссоришься.

— Если эти люди будут такие, как та тётя, которая ругалась на меня, то таким можно говорить грубо. Эта тётя точно злая! Хотя и дядька этот тоже такой же! — делает свои выводы.

— Ладно, — снова вздыхаю тяжело и поглядываю на время. Не хочу с ней спорить. И уж тем более защищать ту странную женщину, что вопила в приёмной. — Мне нужно закончить дела и поедем.

— Я схожу в туалет?

— Сходи, конечно. Но туда и обратно!

— Хорошо.

Алёна уходит, а я быстро лишний раз пересматриваю те документы, которые хочу взять с собой, чтобы поработать из дома.

Она уснёт, и у меня будет время спокойно посидеть над ними.

«Поспи лучше!» — кричит мне разум, но я сопротивляюсь этому крику.

Мне нужно сделать всё то, что я запланировала. А поспать... поспать как-нибудь потом.

Ну, в конце концов, Алёнка же не будет вечно маленькой. А рожать других детей я больше не собираюсь.

Поэтому переживём все её болячки, она повзрослеет, у меня появится возможность высыпаться.

Проходит около пятнадцати минут, но моей стрекозы нет.

Видимо, опять зашла к кому-то в кабинет и болтает.

— Юль, ты не видела мою попрыгуху? — захожу к помощнице Артёма Ильича.

— У него в кабинете сидит.

— Вот ведь! Я же ей сказала, чтобы она к нему не ходила! Ну что за непослушная особа!
— Злюсь на дочь.
Быстрым шагом спешу к кабинету руководителя, но Юля преграждает мне путь.

Глава 7

— Юль, ты чего? — удивлённо смотрю на женщину.

— погоди, не торопись ругать дочь. Она не виновата. Артём Ильич сам её к себе пригласил. Алёнка твоя с кем-то из сотрудников болтала, а он мимо шёл. Спросил её про здоровье, она рассказала. Потом он сказал, что его сыновья передали ей подарок, но он забыл отдать. Вот и зашли. Не ругай её.

— Хорошо, — выдыхаю. Я рада, что дочь услышала мою просьбу. — Но всё равно не надо отвлекать его от дел. Заберу её.

Тихонько захожу в кабинет и вижу, как эти двое сидят за столом переговоров.

Мой босс ко мне лицом, а Алёна спиной.

Он незаметно кивает мне, и продолжает общение с Алёной.

— Ты буквы-то уже выучила? — спрашивает у неё заботливо.

— Не все. Но я стараюсь! — вижу, как рисует по бумаге карандашом и зевает.

— Не выспалась?

— Нет. Кашляла. Мама из-за этого тоже не выспалась. Не ругайте только её за это, Артём Ильич, — говорит тихо, но по имени отчеству, как я её учила. Умница.

Он улыбается и кивает.

— Не буду ругать. Твоя мама самый лучший работник.

— Да? Правда? — в голосе появляется неподдельная радость.

— Да.

— А она говорит, что вы самый лучший директор, — признаётся ему шёпотом.

— Ну видишь, как всё прекрасно складывается. Алён, у моих мальчишек есть музыкальный букварь. Хочешь, я принесу тебе?

— А им он не нужен?

— Они уже взрослые. Один сын в пятом, а второй в третьем классе.

— Хорошо бы. Мне очень нужно знать буквы.

— Зачем?

— Хочу написать желания.

— А у тебя их много?

— Не очень, но все хорошие.

— Ну, он обычно список желаний на новый год составляется, — улыбается мягко мой руководитель. — Кстати, пока ты не умеешь писать, хочешь я напишу за тебя?

— А можно?!

— Конечно! Почему нет.

Кашляю погромче, и моя дочь, увидев меня теряется. Она уверена, что я буду её ругать, и потому сразу начинает тараторить:

— Мама, я не ходила к Артёму Ильичу! Он сам меня к себе позвал!

— Да, это так. Прошу не ругать дочь, Диана, — подтверждает мой добродушный руководитель

— Мама, а Артём Ильич сейчас будет писать мои желания! Самые настоящие! И они сбудутся! А знаешь, почему?

— Нет.

— Потому что он главный и у него бланки с печатями!

Вижу, как после слов Алёны мой директор улыбается, но потом прикрывает кулаком рот. Пытается быть серьёзным, но глаза всё равно выдают веселье.

Вижу, как после слов Алёны мой директор улыбается, но потом прикрывает кулаком рот. Пытается быть серьёзным, но глаза всё равно выдают веселье.

— Диана, присоединяйся к нам.

— Но вам надо работать.

— Ничего страшного. Это пять минут. Зато узнаем все Алёнкины желания. Да, малышка?

— Да! — кивает довольно Алёнка.

Мой босс отодвигает для меня стул и мне некомфортно отказаться от такого предложения.

Алёнка, чувствуя поддержку воодушевляется и начинает рассказывать свои желания.

— Я хочу домик, тот, что для кукол. Знаете, такой огромный? — показывает руками его размер.

— Не знаю. У меня же мальчики, — тихо смеётся.

— Я знаю. Ты мне про него все уши прожужжала.

— купишь?

— Нет!

— Почему? — обижается.

— Дорого. И ты это знаешь.

— Проси у Деда Мороза! Через два месяца Новый год! — заговорчески шепчет Артём Ильич Алёнке, и та довольно кивает. — Ещё мне хочется волшебную коробку, в которой всегда будут конфеты. Так чтобы скушать все, а утром проснулся, а коробка снова с конфетами!

— Ну! Это желание, в принципе, выполнимое! — откровенно смеётся босс. Его явно веселит общение с моей дочерью.

А меня вот совершенно нет! Потому что, если придётся уволиться, я даже коробку с конфетами буду покупать с трудом.

Зачем всё это делает мой босс не понимаю. Хотя, потом вспоминаю, как Артём Ильич рассказывал, что мечтал о дочери. Но у него двое мальчишек.

Вероятно, именно поэтому так по-доброму общается с моей.

— Ну а самое такое, чтобы заветное желание? Есть такое?

— Конечно. Я хочу, чтобы у меня был папа. Такой как вы.

В кабинете после слов моей дочери наступает пауза.

Алёна смотрит на него своими большими глазами и молчит, ожидая реакции.

Артём Ильич тоже не может произнести ни слова. А я чувствую, как покрываюсь краской.

— Алёна! — грозно говорю я, предупреждая, что она переходит дозволенные границы.

— Алён... Я не могу быть твоим папой. Я папа у своих сыновей, — начинает говорить мой босс спустя пару секунд и ласково гладит её по голове.

— Да, я знаю. Мне мама про это говорила. Именно потому я сказала: не вы, а как вы!

— А, ну да! Это большая разница! Так... Ясно... Понял... — такое ощущение, что босс до сих пор находится в шоке от признаний моей дочери.

— Как вы думаете, оно сбудется?

— Пока не знаю, Алён.

— Почему?

— Ну ... — вижу, мой босс не знает, что ответить. — Потому что ... таких как я мало! — подмигивает ей.

— Жаль! — тяжело вздыхает.

— Но всё же они есть!

— Ну раз это желание не может сбыться, я поменяю его на другое. Можно? — Артём Ильич кивает. — Тогда моё желание, чтобы моя мама не плакала ночами, — говорит Алёна тихо. — И чтобы она меньше грустила.

Артём Ильич, услышав пожелание моей дочери, перестаёт улыбаться и смотрит на меня.

Я отвожу взгляд, потому что мне, на удивление, стыдно. Не хочу предстать перед своим руководителем размазнёй.

— Алёнка, уверен, это желание обязательно сбудется. Не сегодня, не завтра, но совершенно точно сбудется.

— Почему вы так уверены? — в глазах моей дочери горит огонёк надежды.

— Потому что по-другому и быть не может!

— Алён, поехали домой, — хочу прекратить этот спектакль двух актёров и побыстрее увести свою дочь из кабинета руководителя.

— Беги, попрыгуха! — вручает он Алёнке список желаний и подмигивает. — Помни! Главное, верить в свои желания! И тогда они обязательно сбудутся!

Через несколько минут мы уже стоим в холле нашей компании, и я не знаю, как лучше поступить. Алёнка всё-таки кашляет, но если ехать в автобусе, значит, снова торчать в пробке. Она вспотеет и есть вероятность, что моя дочь заболит ещё больше.

— Мам, что мы будем делать? Ты вызовешь такси? Посмотри, какой снег! А мы с тобой даже зонтик не взяли, чтобы от него спрятаться! — смотрит на меня выжидающе.

Подхожу к окну, и восхищаюсь увиденным. Действительно, на улице идёт снег. Первый в этом году!

Огромные хлопья ложатся на подоконник, а те, что летят к асфальту уже даже не таят. А это значит, что Алёнка скоро начнёт проситься на улицу играть в снежки. Но как мне и позволить, если она снова кашляет?!

Единственный вопрос, который меня интересует больше всего последние несколько месяцев: когда уже наконец кончатся эти бесконечные болячки?! Быстрее бы! Пожалуй, это одно из моих главных желаний.

Я звоню в такси, но оператор говорит мне о том, что из – за первого снега весь город стоит в пробках и вряд ли ближайшие часа два ко мне приедет хоть одна машина.

Ничего не остаётся делать, нежели добираться до дома на своих двоих. Хорошо, идти не больше двадцати минут. Думаю, осилим!

— А я предлагаю прогуляться пешком! Как тебе такая идея?

— Отличная! — хлопает дочь в ладоши дочь, а я переживаю, как бы она не разболелась ещё сильнее.

Глава 8

ДМИТРИЙ

— Ну чего, мы едем или нет? — захожу к брату в кабинет, поглядывая на время. — Бабушка нас уже ждёт. И дед лютовать будет, что мы не пунктуальны. Ты же его знаешь.

— А ты переодевать не будешь? — смотрит на меня Артём и улыбается.

— Смешно тебе?

— Да. А что у вас в приёмной случилось? Я слышал, твоя любовница с моими подчинёнными ругалась. Кстати, кто такая? Очередная...

— Прекрати, а? Нашёл здесь блюститель нравственности.

— Дим, как тебе можно нравиться эта дамочка? Она же вся искусственная! Надувная, как матрас! — начинает хохотать в голос Артём.

— Прекрати, — сам того не желая рявкаю на двоюродного брата. Этот шутник совершенно точно со своим дурацким юмором сейчас переходит все границы.

— Всё, прекратил. Не дуйся, словно девчонка. — Говорит, а у самого по-прежнему улыбка до ушей. Вот ведь гадёныш! Я так и знал, что он обязательно меня по поводу моей новой любовницы подденет. Не надо было брать её с собой. Но она хороший финансовый аналитик, и её мнение мне важно. — И всё-таки, можем по дороге к родным заскочить и купить тебе новые штаны.

— Плевать. Родня меня любого примет. Слушай, а кто эта девчонка, которая вылила на меня грязной воды. Наглая такая! Мелкая, а нрав, словно жизнь прожила.

— Это дочка моей другой подчинённой – Дианы Митиной.

— Ясно. Ну я так и понял. Одного поля ягодки. Такая же. Мамашка, кстати, тоже накинулась на меня как истеричка.

— Да, они обе девушки с характером. Боевые! У Дианы любое дело в руках горит! Она одна из моих лучших работниц! Классные девчонки. А насчёт наглости не согласен. За Дианой особо никогда такого не замечал. Она всегда приветлива, учтива, и знает границы дозволенного. Никогда никому не хамит, даже если будет в отвратнейшем настроении!

— Разве? — искренне удивляюсь.

— Да! Я Диану не раз на переговоры брал. Все иностранцы от неё в восторге! Она же английский практически в совершенстве знает.

— Верится с трудом... про восторг... — усмехаюсь на слова брата. — На меня она не произвела такого колоссального впечатления. Ладно, всё, поехали! Время! Мы с тобой ещё из-за этого снегопада в пробку встанем.

— А ты, где в итоге свою машину оставил? Закрутился и забыл у тебя спросить.

— Эвакуатор утащил. Причём приехал так быстро, что я очень удивился.

— Дим, только прошу, — брат неожиданно становится серьёзным, — не бери только к нашим свою... даму. Пожалуйста! Бабушка таких не любит. Да и дед тоже.

— Ладно. Она и сама ехать не хотела.

— Вот и отлично. Покувыркаешься с ней недолго, и завязывай! Ищи нормальную женщину! С такой наших и познакомишь, — хлопает меня по плечу, проходя мимо. — Пойдём. Я водителя сегодня отпустил, сам поведу машину.

Отъезжая с парковки, обсуждаем с Тёмой дела и проблемы компании. Я вижу, что сегодня он особенно уставший, и догадываюсь почему.

Брат мечется и не может принять окончательное решение об объединении наших компаний в одну.

А я считаю, что это прекрасная идея.

Для него вся загвоздка в людях. При объединении компаний Артёму придётся уволить людей. А делать этого брат категорически не хочет.

В пробке мы двигаемся крайне медленно, и это откровенно начинает раздражать.

— О, кажется, это Диана и Алёнка по тротуару топают, — показывает мне сторону двух дамочек.

Пробегаю по ним глазами. Девушка в коротеньком пальто и сапожках на тонкой шпильке со спины кажется мне совсем юной. И только лицо выдаёт её возраст.

Её мелкая вышагивает рядом держа маму за руку, и ловит ртом снег. Однако мама её одёргивает и, как я понимаю – запрещает дочери так развлекаться.

— А почему она так рано ушла с работы? — смотрю на часы. — В твоей компании рабочий день вроде только через полчаса заканчивается.

— Я отпустил Диану домой. У неё дочь болеет. Ничего страшного, если она будет работать на удалёнке.

— Эта вот эта болеет, что ловит ртом снег? — показываю пальцем на девочку как главный жалобщик. — По этой поскакушке даже не скажешь, что она болеет.

— Вроде не притворялась. Диана говорит, что Алёнку кашель замучил.

— Не могут вылечить?

— Нет. Я обещал помочь найти специалистов.

— Значит, девочке нужно жить в тёплом климате, раз такие проблемы. Я слышал, что детям это очень помогает.

— Думаешь? — Тёмка неожиданно начинает хмуриться, а потом как-то очень странно смотрит на меня.

— Ты чего? — я даже растерялся. Он просто впивается в меня взглядом.

— Ничего... Слушай, а это мысль... Брат, ты красавчик! — после въедливого взгляда Тёма неожиданно начинает улыбаться.

— А поконкретнее? Чего ты придумал?

Он ничего не отвечает мне, а вместо этого сворачивает к обочине.

Следом открывает окно и начинает громко звать свои подчинённую. Они как раз идут недалеко от нас.

— Диана!

Девочка и её мать одновременно поворачиваются на обращение, и я замечаю, как их рты сразу же расплываются в улыбке.

В этот момент понимаю, что эти дамочки совершенно точно обе доброжелательно расположены к моему брату. И это не наигранная симпатия. Она искренняя.

Становится слегка обидно за себя. Мне из моих сотрудников так никто ни разу не улыбался. Хотя я вроде всегда дружелюбен с подчинёнными.

Думая об этом, в голову сразу же лезут странные мысли: а может быть там есть что-то другое, кроме дружелюбия? Просто Артём и эта Диана тщательно это скрывают?

— Дядя Артём! — начинает пританцовывать на месте девчонка. — Привет!

— Алёна! — одёргивает её мать. — Моего руководителя зовут Артём Ильич! Сколько раз тебе говорить! И никаких «Привет». Ты должна сказать или «Здравствуйте», или «Добрый вечер», — учит свою мелкую этикету.

— Да брось ты, Диана! Я разрешил ей называть меня так, как ей нравится. Залезайте в машину!

Девушка не двигается с места. Она явно сомневается в том, чтобы принять это приглашение. И причина, скорее всего, я.

Вижу, как, заметив меня, дамочки переглядываются друг с другом и хмурятся.

Да уж, я явно не такой доброжелательный и дружелюбный, как мой братишка. Со мной бы я ни ей, ни её дочурке точно так не позволил разговаривать!

— Спасибо, мы дойдём пешком, — отвергает приглашение.

Мой братишка, понимая, что она отказывается из-за моей персоны, улыбается и неожиданно говорит:

— Да вы не бойтесь его! Он добрый! С виду только такой... злощий! Но на самом деле Дмитрий Николаевич прекрасный и человек.

— Тём! — прерываю брата. — Прекрати! И поехали! Они же тебе сказали, что сами дойдут! Хватит сыпать друг на друга любезностями! Продолжите, когда я уеду.

— Мамочка, я замёрзла! Давай поедem вместе с... — замолкает на секунду, а я с интересом жду как она зовёт моего брата. Вняла ли воспитательной беседе своей матери или ослушалась? — с Артёмом Ильичом...

Мать одобрительно кивает, и мне хочется сделать тоже самое.

Молодец девчонка! Значит, поддаётся воспитанию!

— Верно! В машине тепло! Залезайте!

Девочка снова смотрит на мать. Та неуверенно кивает и соглашается на приглашение сесть машину.

На самом деле, несмотря на то, что идёт снегопад, на улице довольно промозгло.

Я уже, если честно, отвык от такой погоды. У нас обычно последние годы в конце декабря — начале января около пятнадцати с плюсом.

— Алён, мы могли дойти пешком, но я согласилась поехать с Артёмом Ильичом и этим... дядей только потому, что ты приболела, — говорит тихо сотрудница моего брата своей дочери, залезая в машину. Видимо, специально для меня. — Ещё раз добрый вечер, — фыркает, глядя на меня.

— Добрый! — отвечаю недовольно в ответ.

Глава 9

— Добрый вечер, — подражает матери мелкая и кивает мне тоже.

Киваю ей, и девочка сразу же отводит от меня взгляд.

Сидят обе, притихли. Догадываюсь: перед братцем моим играют эту роль тихонь, хотя на самом деле мама и девочка хамки.

После того как эти дамочки попали в машину, все дружно затыкаются.

Никто не хочет начинать разговор первым.

Мне с ними беседы не нужны, а Артём, видимо, не чувствует необходимости заполнять паузу.

Ох уж эта пробка... Если до этого момента она мне казалась длинной, то теперь кажется бесконечной! Поток двигается еле-еле.

В отражении моего зеркала видно, как девочка смотрит в окно со своей стороны, а её мать – в другое со своей.

Но как только женщина отрывается от вида за стеклом и бросает взгляд на меня, в её глазах читается нескрываемая неприязнь.

Только когда что-то говорит Артём, он теплеет.

С чего вдруг? Неужели это только дань уважения к Тёме как к руководителю?

Конечно, если бы я не видел, как мой братец любит свою жену и пацанов, я бы засомневался в искренности их отношений как босса и подчинённой.

Но я как-то до этого момента не сомневался, что семья для брата — это святое.

Именно поэтому отвергаю любую мысль, что между ними что-то может быть. Хотя... кто его знает. Чужая душа – потёмки. И я неоднократно в этом убеждался.

Неосознанно снова пробегаю по фигурке этой дамочки глазами, а следом смотрю на лицо.

Да, красивая! Это безоговорочно!

Только меня таким уже сложно привлечь. Ведь за ярким фасадом в девяносто девяти случаев скрывается пустота и мерзкий характер.

И эта дамочка своим острым язычком доказала мои предположения сегодня.

Уверен: гонора и самооценки до неба, а на выходе... скорее всего, как всегда, пустышка. Потому что я знаю давно: обычно там, где слишком большая уверенность в себе, как правило, там и высокомерие.

Обшарпанные дома, построенные в годах пятидесятых прошлого века, большие деревья, и несколько старых турников. Вид не шикарный. Я бы даже сказал – крайне бедноватый.

Если она такая умная, почему не снимает нормальное жильё в нормальном районе? Хотя бы ради ребёнка.

Адрес девушка не говорила. Значит, мой братишка знает его. Видимо, периодически добрасывает дамочку до дома.

Эти факты не нравятся мне всё больше и больше.

— Артём Ильич, спасибо!

Тёма кивает, паркуется у тротуара, и дамочки, быстро поблагодарив и попрощавшись, сбегают.

— Ну наконец-то! — Как только они выходят из машины, выдыхаю. — Мне эта твоя сотрудница со своим взглядом, полным ненависти, надоела! — признаюсь откровенно. — Не представляю, как ты выдерживаешь таких своенравных сотрудников в своём коллективе!

— Ты преувеличиваешь! — смеётся Артём. — Ты просто не пробовал с ними поладить. Димка, какой же ты стал... нелюдимый, нетерпимый... — вижу, как брат тщательно подбирает слова. — Ты же не был таким. Всегда был среди людей, семьи.

— А теперь мне лучше одному, — отрезаю, не позволяя ему лезть в душу.

Артём переключается на телефонный звонок, выясняя у жены, приехали ли они к нашим родным, а я думаю над тем, что сказал мне двоюродный брат.

Он прав! За четыре года с момента развода я уже привык жить один.

Привык, что только я в своём доме могу устанавливать правила, нарушать их и создавать своё будущее только такое, какое я хочу.

Никто мне не указ, никто не пилит мозг, а рядом не пилит ногти.

Я ведь спустя полтора года после развода пробовал жить с женщиной, но у меня ничего не вышло.

Отсюда я сделал вывод, что у меня с ними в общем пространстве существовать не получается, как ни крути.

Да и не хочу я, если честно.

— Наконец-то! — Заходим в дом к нашим родным, и я проваливаюсь в пучину хаоса.

Дети брата, его жена, бабушка, дед – все они такие шумные и активные, что я уже готов сбежать. Но только кто же меня отпустит без ужина и очередной порции нравоучения о том, как я неправильно живу.

Через пару часов, когда дети заняты своими делами, бабушка аккуратно начинает свой допрос о моей семейной жизни.

— Как дела?

— Отлично.

— Ясно... Значит, ничего не поменялось.

— Ничего. Бабуль, самое лучшее — это ничего от меня не ждать! — приобнимаю её за плечи и отодвигаю от посудомойки. Я вижу, что ей тяжело стоять. Неужели я позволю, чтобы она убирала за нами?

— Спасибо, Димочка. Ох, такое добро пропадает... — благодарно кивает мне и садится за стол. Подпирает подбородок двумя руками и смотрит на меня. — Хороший ты мужик, Димка. И чего ты опять не женишься?

— А потому что в поле ветер, а в заднице дым! Бегаешь всё как угорелый со своим бизнесом, а о нормальном будущем не думаешь, — заходит дед на кухню и усмехается.

— Дед, именно как раз о нормальном будущем я больше всего и думаю. Прошу тебя, не начинай. И так настроение не очень.

— А что так?

— Шумно у вас... — вру. Не хочу близким рассказывать, что утром мы вылетели с дороги, и я не до сих пор в стрессе. — От детей столько суеты... Я отвык.

— С ними весело! Я, когда вся семья в сборе словно лет на сорок молодею! Ты только нас подводишь. Сколько можно ходить бобылём.

— Я был женат. Ты забыл?

— Да разве такое забудешь, — тяжело вздыхает дед. — Ничего не поменялось?

— Нет. Я устал бороться. Не хочу больше. Словно... в глухую стену стучусь.

— Всё будет нормально, Димка, — дед встаёт рядом и хлопает меня участливо по плечу.

— Я привык. Всё нормально, — начинаю улыбаться, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. — Дед, ну чего с переездом?

— Не хочу, — отрезает мой своенравный родственник.

— Почему? Будете ближе к детям, внукам. Артём, вон, наконец-то решился.

— Правда? — удивляется дед.

— Ну да. До Нового года закончим вопрос слияния компаний, и он с семьёй переедет ко мне в тёплые края.

— Ну чего, жена, думаешь? — он смотрит на бабушку, словно ждёт её мнения. — Одни ведь здесь останемся... — тяжело вздыхает.

— Димочка, мы уже здесь привыкли и ничего менять не хотим, — говорит моя бабуля, но вроде уже не так уверенно.

— Ну как знаете. Но я с удовольствием вас перевезу поближе к семье.

— Если ты женишься, перееду, — неожиданно заявляет хитрец.

— Дед, прекращай! — начинаю сердиться не на шутку.

— Это ты прекращай! Я хочу знать, что ты счастлив и не один. Что есть с кем поболтать, поругаться. Вон, как у нас с бабкой твоей.

— Могу жениться, если тебе станет спокойнее... — хохочу в голос.

— Женись! — бьёт неожиданно громко по столу.

— Погоди, я не сказал на ком! На...

— Нет! На матрёшках твоих нет! Не позволю!

— Дед, почему ты моих женщин вечно матрёшками называешь?

— Потому что снаружи у них всё красиво, а внутри — одна пустота. Они вроде улыбаются, пытаются понравиться нам, а я им не верю! Такие, как постель твою греют не созданы для серьёзных отношений.

Замечая, как злится мой дед, затыкаюсь. Не хочу портить ему настроение.

И уж тем более повышать давление.

Никогда себе не прощу, если с ним что-то случится, где причиной его плохого самочувствия стану я.

— Молчишь? Значит, согласен. То-то и оно, Димка, — становится грустным мой дед. — То-то и оно.

Глава 10

— Ладно, женюсь как-нибудь... — разрешаю деду помечтать. Артём сказал, что он сегодня с утра хмур, видимо, нездоровиться. Но я знаю, что он переживает за меня, поэтому позволяю выбрать тему для разговора. Так, глядишь, и настроение поднимется.

Да и вижу я их редко. Если им доставит удовольствие, пусть обсуждают мою личную жизнь. С меня не убудет.

Дедушка, услышав эти небрежно мной брошенные слова, медленно поворачивается ко мне, и я сразу же замечаю, как загораются его глаза.

Он хитро прищуривается, будто только и ждал этого одобрения.

— Жена, чаю налей мне, — показывает кивком на свою любимую кружку.

— Ты же только что пил!

— Ещё хочу! С внуком поболтаем, чайку ещё попьём. Да, Димка?

— Да, дед.

Он важно берёт в руки чашку, сдувает дым, который идёт из неё и начинает привычную песню:

— Лет сто пятьдесят назад, внучек, я бы тебя и не спрашивал, и не ждал, когда ты, гуляка эдакий, соизволишь дать своё согласие на брак! — его голос становится командирским. Он смотрит на меня свысока по старой привычке управлеца. Мой дед всю жизнь управлял строительным трестом, и всегда, сколько я помню — командовал всеми. — Женил бы и точка! Начал бы со смотринок. Созвал бы уважаемых людей. А ты бы и рта не открыл и не вякнул! Невесту до свадьбы даже не увидел. И вот бы ты у меня рыпнулся! — Мой грозный дед демонстративно показывает мне дулю, сжав кулак так, что костяшки белеют.

Бабушка отворачивает лицо, но я успеваю заметить улыбку.

— Как хорошо, что мы живём в нашем, современном времени! — усмехаюсь. — Интересно, на ком бы ты меня женил?

— На ком? Да там вообще всё просто.

— Разве? Я требовательный!

— Я тоже. Но, конечно, не до такой дурости, как ты. Список качеств очень простой! Первое, главное... Она должна быть доброй. Такой знаешь, чтобы... от самого сердца! Со смеющимися глазами, в которые как в омут проваливаешься... — голос деда-командира неожиданно становится мягче, и он, повернувшись к бабушке, смотрит на неё. — Вот, прямо чтобы как у твоей бабушки. Дальше. Конечно, чтобы руки у неё были... золотые. Чтобы и пироги испекла, и пельмени налепила. И шить умела.

— Как моя бабушка — заканчиваю за него.

— Да! — гордо кивает.

— Прости, но, скучно как-то, дед... Слишком уж правильно. Робот какой-то, а не живой человек.

— А тебе что надо?

— Тоже просто всё. Огня хочу, драйва, чтобы своенравная была и могла мнение своё сказать, а не в пол глазами лупить и кивать на каждое предложение как болванчик.

— Ну да, характер нужен. Тут не поспоришь. Ладно... Тогда, зная твой вредный нрав, она тоже должна быть с характером. Чтобы тебе отпор могла дать! Ты ей слово, а она тебе десять в ответ!

— А ещё по морде, если заслужил! — неожиданно вставляет своё слово моя бабуля и поддакивает деду.

— Не, по морде не хочу. Зачем мне такая? — удивляюсь.

— Ну ты же хотел, чтобы не скучно было! Получи, распишись! Но главное, Димка, чтобы девчонка была надёжная. Чтобы могла и себя в обиду не дать, если ты обидеть захочешь. Но и при этом, чтобы тебя в трудную минуту могла поддержать.

— Дед, чай остыл, — хочу закончить разговор. — Мне нужно с тобой посоветоваться по одному вопросу...

— Ну а прежде всего: она должна быть тебе другом, — неожиданно задумчиво произносит дед, даже не слушая, что я говорю. — Чтобы проблемы её твои волновали и переживала за тебя как за себя. А всё остальное, внучок, — суета.

— Ты забыл красоту.

— А красота... С лица воды не пить. Слышал поговорку?

— Ага. Народная.

— То-то и оно, что народная! Ерунда всё это, — отмахивается. — Это сначала ты на неё наглядеться не можешь, а потом и к красоте привыкаешь. Я тебе сказал, что главное. А всё остальное приложится.

— Всё! Я всё понял!

Через полчаса, обсудив мою личную жизнь, вызываю такси, желая сбежать от родных. Даже несмотря на то, что собирался у них ночевать теперь не хочу оставаться.

Надоели эти бесконечные разговоры про женитьбу. У меня от них уже нервная чесотка начинается.

Так и знал, что не надо развивать эту дурацкую тему про хороших женщин. Но хотел доставить деду удовольствие. Пусть даже за счёт собственного времени.

— Димка, ты куда? — практически на выходе из дома родных спешит за мной брат. — Что случилось?!

— Всё как всегда!

— Женить хотят! — хохочет брат.

— Ну ты хоть не начинай, а!

— Помнишь Лёху Парамонова? — не очень понимаю, с чего вдруг он перескакивает на своего друга.

— Ну.

— Он также как ты рассуждал. А потом как за тридцатник стукнуло выдал: если до тридцати пяти не женюсь, боюсь, не женюсь уже никогда. И не женился ведь! Сейчас ему уже ближе к сорока, но он один. Говорит, рад бы, да всё не те попадают. Спрашиваю: чем не те? А он говорит: я понял, что чем старше я становлюсь, тем придирчивее отношусь к привычкам женщин. А желания подстраиваться уже нет. Так что, сейчас я без шуток тебе говорю: нельзя заигрывать в холостяка, если в итоге не хочешь остаться один.

— Я тебя услышал, — говорю знаменитую фразу.

— Выглядит, как куда подальше послал, — хохочет брат.

— Так и есть. Тём, меня всё устраивает.

— Зря. Алло, да, Диан, — переключается мой брат на входящий звонок.

Пока я жду такси, которое спешит в посёлок моих родных, слушаю, как мой брат любезничает со своей подчинённой.

— Артём, слушай, ты чего вечно такой любезный со своей этой Дианой... — спрашиваю, когда брат заканчивает разговор.

— Она не моя. И я обычный. Просто воспитанный, — отрезает он, но я всё равно докопаюсь до истины.

— Не чересчур ли ты с ней воспитанный? Когда ты с ней сегодня общался, я на тебя смотрел и думал: ты либо глупец, раз допускаешь такое панибратство в своей компании, либо...

Замечаю, как брат перестаёт улыбаться, его лицо становится сосредоточенным.

— Ну давай, сочини какую-нибудь фигню, словно ты бабка базарная.

— Либо... ты в неё по уши влюблён, Тём. И это не я бабка базарная, а ты странный тип. И это не подчинённая у тебя, а объект обожания. Это же конкретная симпатия, братан. Только очень тихая, и очень вежливая.

— Неужто уже успел сплетней послушаться? — удивляется брат.

— А что, ходят по офису?

— Ещё какие! Дим, а что, другого варианта нет?

— Ты мне скажи, какой другой вариант может быть.

— Самый простой: она... — не договаривает, потому что нас отвлекает подъезжающее такси. — Вали, давай, раз спешил.

А на вопрос не ответил...

— Тём, — говорю вкрадчиво, прежде чем сесть в машину, — я не сдам секрет твоей жене. Будь уверен. Не может быть так, чтобы ты просто так за счёт компании собрался чужому ребёнку лекарства покупать. Вы, случаем, не любовники? Как-то слишком ты к ней внимателен. Ну что, расколешься или так и будешь отрицать, что у вас отношения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.